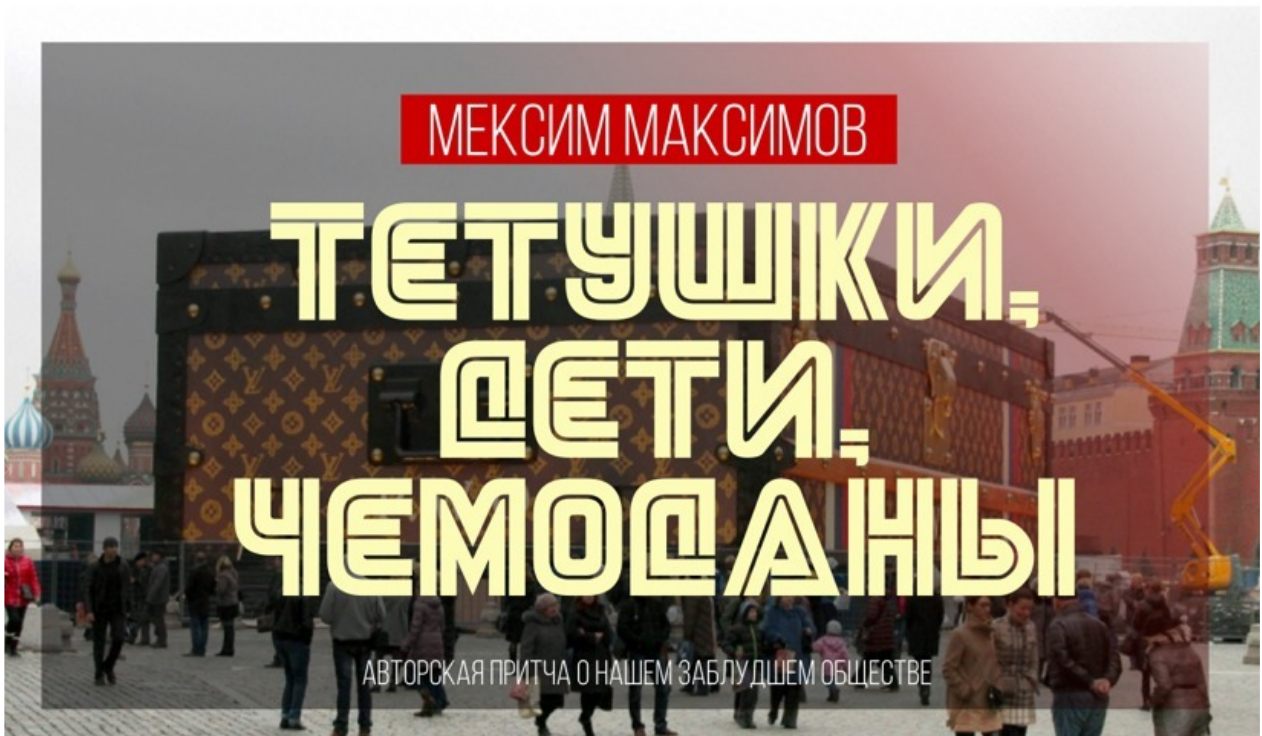

rebelzine

Словно тетушки с поклажей- шагают по этому свету очень многие, стараясь не растерять своего багажа, ухватить что-нибудь по пути и углядеть за своими отпрысками, чтобы те – не дай Бог! – вдруг не отказались от складирования чемоданов и не занялись чем-нибудь вредным.

И вот чадо, бегущее по жизни налегке, без этих катюхов из прошлого-будущего-настоящего, вдруг отходит от мамы, изучает крохотный мирок и с удивлением замечает, что строй идущих мамаш конвоируется полицейскими, которые опустив темные забрала из средневековья, лениво следят за идущими. Пока лениво. Им уже не нравятся любопытные мальчуганы, глазающие в черное стекло полицейской каски. Дети возвращаются к мамашам, устанавливают роль рыцарей-полицейских в этом большом походе. Видимо, защищают от преступников. И ребенок даже имеет возможность убедиться, что полицейские действительно защищают: вот кто-то попытался украсть чужой чемодан, но был схвачен, и добро осталось у хозяина. Хорошо.

Но путь все продолжается, и чадо интересуется: а куда, собственно, движется наш караван под конвоем рыцарей с черными забралами? И он получает ответ: Туда, сынок, где чемоданам твоим не будет конца, а государство (то, что командует черными рыцарями) будет тебя вместе с чемоданами оберегать и лелеять. Ну нет!

Не хочу, упирается чадо, мне не нужны чемоданы, я устал идти, минуя унылые учреждения.

А чемоданы? Как же чемоданы? Без учреждений не стать тебе человеком. Человек без чемоданов... Не очень человек, говоря откровенно.

Но не нужны мне чемоданы! – вопит чадо, а тетушки угрюженно качают головами: какие глупости говоришь, невежа.

Они показывают чаду тех людей, которые решили отказаться от своих баулов.

Ребенок видит их – они волочатся поодаль, как изгнанники, как прокаженные, и все в их виде вызывает жалость и смятение.

Они решили, наставляя мамы, что у них больше всех ума и им хватит его на то чтобы прожить жизнь без багажа. Гляди.

Да-с, думает чадо, велики же чемоданы, если человек не волен быть без них человеком.

Или все же нет?

Но – пусть, ребенок смиряется с тем, что ему придется так же, как и мамаше, тащить впоследствии чемоданы. Однако что-то изменить в набившей оскомину повседневности можно, ведь так? Может, двинемся не туда, куда идут все, пойдём в другую сторону? Даже побежим? Или... Да мало ли еще способов скрасить скучное шагание? Тетушки отрицательно мотают головой и идут с остальной массой в ногу. Только дети выбиваются из общего ритма, но им позволительно. А тех, кто постарше, кто уже почти не дети – тех полицейские недовольно толкают в толпу. И вот тут, окинув взором всю эту систему, поняв ее – много ума не надо, чадо решает, что дальше не пойдет, или пойдет, но туда, куда захочется ему самому. Без тетушек-матушек, если им так страшно.

Дитя поворачивает назад, прихватив с собой пару-тройку друзей, и врывается в цепочку полицейских с черными забралами.

Если каждый будет делать то, что он хочет, – назидательно говорит полицейский, – то все это приведет к смертям и трагедиям. Разве вы хотите этого?

И Почти-Не-Дети смотрят туда, куда кивком указывает полицейский. А там идут молодые тетушки, обвешенные чемоданами, с детьми на руках и вроде бы радуются, и вроде бы жизнь их хороша...

Такие как вы, – продолжает наставлять полицейский, – могут привести всех этих невинных и беззащитных людей к гибели.

И полицейский показывает детям страшные кадры: толпа, мирно и счастливо идущая к общей цели, вдруг подняла знамена – все разные! – и каждый бросился на каждого, чтобы удовлетворить свою свободу и расчистить для нее путь.

Детей отпускают, мамы следят за ними строже.

Дети обдумывают. Неужели все эти идущие, дай им свободу, станут врагами друг другу и никогда не достигнут согласия? Разве они не смогут выбрать свой путь?

Вдруг дети слышат, что сзади кто-то тихо зовет их. Они оборачиваются. С ними говорит обычный человек, но человек этот – странно! – говорит детям то, о чем они рассуждали, только более слаженно и ясно.

"Мы, – говорит человек, – не рождены для того, чтобы вечно идти и нести эти чемоданы, которые, в конечном счете, достанутся тому, кого на самом деле защищают люди с черными забралами. У нас есть выбор и право отказаться от этой бессмыслицы."

"Дети, – продолжает человек, – за нас решили как надо жить, те у кого есть власть"

Дети почему-то морщатся от этого ядовитого и скользкого слова, словно способного ужалить.

И человек подводит итог:

"Мы, дети, можем с вами попытаться что-то изменить. Я говорю: попытаться, это не значит, что мы добьемся с вами победы. Но ведь без попытки шанса не будет вовсе."

И смекалистые дети понимают, чем может закончиться неудачная попытка. На языке ядовито жжется слово власть.

Ряд людей внезапно останавливается, сцепившись за руки. Остальные продолжают путь, но выворачивают шеи, чтобы поглядеть: что же происходит? Стояние. Люди, среди которых знакомые дети, не двигаются с места и молча улыбаются, крепко сжимают ладони друг-друга. К ним уже спешат полицейские, вытаскивая дубинки. Мамаши тихо стонут, переживая в душе страшный ужас: бежать к детям или идти дальше? Кто-то продолжает путь, кто-то несет назад, к своим чадам. Там уже орудут полицейские, вытаскивая из поредевшей цепи людей и унося их с глаз долой. Утаскивают и некоторых мамаш. Чемоданы их пылают под ногами идущих. К чему теперь чемоданы?

Вой тетушек разносится по округе. Они проклинают судьбу, проклинают себя, но в первую очередь ненавидяще цедят желчь в адрес тех, кто втянул их детей в это предприятие.

"Это все вы!" – шипят мамы, утирая слезы.

Но одна тетушка сидит спокойно и смиренно: она плачет, но никого не проклинает. Она решила. Не стоит винить этих людей в том, что они отвратили ее ребенка от истинного пути. Она понимает это, потому что видела однажды, когда с безразличием слушала речь своего чада о невесомой свободе, глаза своего сына. Они горели, помнит она, горели так, что могли осветить идущим новый путь.

Но нового пути нет, а идущие все шагают без остановки.

И продолжают вставать группы, среди которых много детей, и группы эти то больше, то меньше предыдущих, и все так же они разбиваются в дребезги, и по-прежнему все безрезультатно – лишь гибнут те, кто отважился изменить привычному движению вперед.

Толпа тащит чемоданы. И, кажется, что продлится это вечно, ибо все эти люди идут в никуда, в бесконечность, а бесконечность – эта, как бывает, упавшая восьмерка, замкнутый круг. Надо рвать его, этот круг, потому что за ним – пространство истинной бесконечности, непокоренной, дикой, просторной.

Миллиарды раз огибает мертвый караван планету, извиваясь змеей, глядя только вперед и назад.

Мы, отдаляясь, видим, как идет каждый, кусая свой хвост, не поднимая головы вверх. А наверху – неведомый космос. И – страшно подумать! – что же будет, если все вдруг обратят свои взоры ввысь.

